

Татьяна Ивановна Грибанова родилась и выросла в живописной сосковской деревушке Егино, которую боготворит до сих пор. Окончив Орловский пединститут, работала учителем иностранного языка, художником-оформителем, а сейчас вплотную занялась литературным творчеством. В 2007 году выпустила первую книгу стихов под названием «Апрель», недавно подготовила к изданию вторую. Пробует себя Татьяна и в прозе. Лирические строки и житейские сюжеты ей дает родная деревня. Творчество Грибановой наполнено природой, напевами малой родины, слог образный, утонченно-романтический.

Афоня

То глухие удары, а то перезвон,
Будто за ночь вознесся
на взгорочке храм.
Это кузня Афони, как древний Афон,
Разжигает священный огонь по утрам.

Расплавляет железо под стук молотка,
А порою и ангельский чудится хор.
Если сладил Афоня — уже на века,
Знать, шелнул ему тайну кузнечную горн.

Служит он землякам от зари до темна,
На завалинке скоб и мотыжек ряды.
Неказистый мужик, и в кудрях седина,
А вот руки — особой мужской красоты.

По хозяйству

Без устали хлопочут пчелы,
Гудит за огородом поле.
Жеребчик повернул с проселка:
«Доставлю деда и — на волю!».

Коса и грабли под навесом,
На гвоздь летит привычно кепка,
Возок сенца с опушки леса,
В меду с обочины сурепка.

В теньке, под кленом, на фуфайке
Дед остывает от работы,
И сохнет на оглобле майка,
Косил аж до седьмого пота.

Под ветками на дне плетушки
Ржаные летние опенки,
Душица к чаю для старушки,
Пучок клубники для Настенки.

Светает. Обивая росу с подорожников,
подхлестывая телочку-первогодку,
отец спускается в анисовые туманы к
Желтому. Наша очередь пасти стадо.

Выхожу на кручу. Хуторские петухи
передразниваются с заречными. С низины
слышится ленивое мычанье, щелканье
кнуга, бабы окрики. Окутывая заросли
ивняка, молочные клубы бесшумным
потокотом валят по подгорью, затапливая
долину.

Полусонное стадо, бороздя парное
июньское утро, ныряет в кисейные омуты,
уплывает в непроглядные пойменные
луга.

Прозябнув, кутаню в мамину шальку,
шмыгаю в садовую калитку, стараясь
не задеть отсыревших жасминов.
По пути горстями нарываю охапку клеверной
отавы, несусь к сараю.

Отворяю дверь, обываюсь глазами.
Посреди хлева рыжей горкой в белесых
проплешинах виднеется Лыска.
Вторые сутки не встает. Помирает.
Старая совсем. Приносила ей ломоть

* * *

Расцвет бахрался в сугробах,
Устав от вьюжной ворожбы,
Я заблудилась в тропках, тропях
Своей заснеженной судьбы.

То напрямик через овраги
По тонкому речному льду,
Без дрожи в сердце и без страха,
Сама с собою лезу в ладу.

То, встав на торную дорогу,
Шла дни и ночи налегке
И привыкала понемногу
Жить, как и все, — на большаке.

* * *

Расчет получен, зреет вечер,
Нахлопотался дед Федот.
Крутым рассолом огуречным
Впитался в душеггерный пот.

Как мог расстаться он с Буренкой,
Не верил сам себе старик.
В пыли горячей у проселка
Затосковал и сердцем сник.

Закрылся двор заготконторы.
Идти домой ему невмочь,
Кричать на всю округу вপুর.
Так и сидел Федот всю ночь.

— Учужла беду, конечно,
Она, голубушка моя,
Как буду жить без ней, сердешной?
Уперлась рогом у плетня.

А нынче травы, как нарочно,
Покос, но некому косить.
Всяк выживает кто как может.
Кого о помощи просить?

Анисовые туманы

Этюд

с солью, даже не смотрит. А ведь как
любил!

Ветеринар Петрович советовал
прирезать. У отца руки не поднялись.
Поручил за ней присматривать.

Подхожу, подкладываю поближе
свежую охапку. Душа обмирает, слышу,
как корова вздыхает болезной утробой.
Присаживаюсь на корточки. Жалею. Глажу
по худым старческим бокам, трогаю сбитый
прошлой весной рог, ласкаю крупную
белую звездочку посередине курчавой морды.
Приговариваю: «Кормилица ты наша!».

Лыска чуть поводит ухом, прислушивается.
И вдруг — из ее огромных глаз
выкатываются слезы.

Может быть, ей припомнились тающие
в июньском мареве колокольничьи
поляны?

Ама с собой в ладу

Согнули в дугу мужика для порядка.
Найдя с колосками в амбаре мешок,
Влепили по полной парнишке — десятку,
Мотал под Иркутском на шахтах свой срок.

Там небо колючее, солнышко в клетку,
Ах, как он завидовал волнкости птиц!
Война и штрафбат, целина, пятилетки...
Вернулся... и стал разводить он синиц.

Любил и щеглов, и певцов-канареек,
В уборку всегда сторожил он гумно.
Метла, да совок, да березовый веник —
Работать умел, научился давно.

Сгребал жито-золото Тихон лопатой,
Но ситного каждую кроху берег.
Присядет, бывало, в тенечке за хатой
И кормит сизариков прямо у ног.

К оградке слетаются стаями птицы,
Уж год или два, как преставился дед.
На холмике в августе рожь колосится —
Какой-то унес он с собою секрет.

Эх, сечь бы этой хворостиной
Вождей за то, что двор мой чист.
Так пусто было лишь в годину,
Когда свирепствовал фашист.

В страду

К полночи день на селе отпылит,
Канет голышиком в сонную речку,
Оттараторит, отжнет, отрулит,
И тишина прикорнет на крылечках.

Сохнут рубахи моих земляков,
Потом пропахли да спелой пшеницей.
Тянет соломой от бабьих платков,
Белые зубы, прожженные лица.

Чуть перевел запыхавшийся дух —
Брезжит июльский рассвет скороспелый.
Двор, детвора под присмотром старух,
Пропасть в полях непочатого дела!

Хлеб деда Тихона

На хуторе Светлом, в заречных покосах,
Подальше от глаз да от злых языков,
Жил Тихон, сухой, как ореховый посох,
Ни мало ни много под сотню годков.

У матери было пять деток по лавкам.
Сиротская доля. С германской отец
Домой не вернулся. Комбедовец Савка
С братвою согнали в коммуно овец.

И мал мала меньше, а он — самый старший,
Похлебка с крапивою да хлеб с лебедой.
Вставал с петухами, до ночи на пашне,
Рвал жилы в колхозе и бился с нуждой.

Другу, уехавшему в Америку

Зачем уехал ты в края чужие?
Неужто можно лучше отыскать?
Как разглядишь сквозь города большие
Погост у церкви, где оставил мать?

Что будешь делать, если на чужбине
Приснится детство, речка, Марьян ров,
И земляника россыпью в долине,
И стадо рыжих на лугу коров?

А вдруг захочешь летней светлой ночью
Прижаться к старой яблоньке в саду
И дом увидеть позабытый отчий,
Поймать на зорьке лещика в пруду?

Березку помнишь, что в люпине синем?
Не изменилась, хоть прошли года.
Ты возвращайся. Ждет тебя Россия.
Она скачает по тебе всегда.

Шумят сады

Деревни нет давно. Сады
На месте этом все шумят.
Жасмин — могильные кусты —
Сплошной стеной цветет у хат.

Ни у колодца нет следов,
Журавль оглох от немоты,
Ни псов дворовых, ни котов,
Лишь все еще шумят сады.

Они не помнят, кто здесь жил,
Дома кто строил и мосты,
Но по весне что было сил
Цветут, шумят еще сады.

Ничего не поворотить, не вернуть.
Не рассмотреть сквозь щелку сарая
родные заливные луга, не увидеть
расхворавшейся хозяйки. Не услышать
ласковое, до каждого звука знакомое:
«Голубушка, заждались, моя хорошая!».
Не взбрыкнуть, пьяная от весны и
свободы, по подгорью, не облизать в
январскую стужу в душном хлеву
новоорожденного телка.

Все в прошлом.
В полумраке слышится слабый стон.
Я с холодным ужасом вижу, как
стекленеет взгляд и закатываются
Лыскины глаза.

Кидаясь к ней, обнимаю, долго плачу.
Горько от беспомощности. До вечера
не могу отойти от сарая. Тяжело и больно,
словно умер кто-то очень родной.

Возвратясь с пастырь, отец выбирает
в горе большую глинистую яму,
везет на телеге корову и закапывает.

...Телочку переводим из клетки
в хлев, на Лыскино место.
И жизнь продолжается.